

СТАНКЕВИЧ О. И. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

СТАНКЕВИЧ Петр Иванович. Проживал в Мозыре Минского округа, крестьянин-единоличник. 5 февраля 1930 — арестован, 11 мая приговорен к 3 годам ссылки и отправлен в Алданский округ.

СТАНКЕВИЧ Ольга Ивановна. Проживала с матерью в Мозыре Минского округа, крестьянка-единоличница, с 1929 — в колхозе. 5 февраля 1930 — арестована с матерью и 11 мая приговорены к 3 годам высылки и на две недели освобождены из тюрьмы. Сельсовет оставил их дома, продолжили работать в колхозе. В марте 1931 — высланы в Сураж Витебского округа.

В апреле 1931 — обратилась за помощью к Е. П. Пешковой.

<2 апреля 1931>

«В Полит<ический> Крест
гр<ажданке> Пешковой

от г<ражданки>
Станкевич Ольги

Заявление

Прошу Вас принять мое заявление и, если возможно, прошу Вашей помощи, так как я в данное время нахожусь высланной с матерью в г<ороде> Сураж на три года, так прошу Вас, сжальтесь над нами, бедными женщинами, спасайте нас или же дайте совет, что делать, чтобы нас вернули домой, так как мы считаемся инвалидами, то не можем работать. В 1930-м году 5-го февраля арестовали мать, брата и меня Мозырским ГПУ за что, я и сегодня не могу понять, пока дело разобралось, были мы в исправ<ительном> доме до 11-го мая. Брата моего выслали в Сибир<ь> в Алданский округ, где он находится и в данное время, а меня и мать назначили на вольную высылку, но так как нас отпустили на две недели домой и сельсовет, видя что мы совсем больные и невиновные, взял нас на свое попечение, и кол<л>ектив тоже, и нас оставили жить дома, мы уже второй год работаем в коллективе и активно работали, но после десяти месяцев Мозырское ГПУ объявило, чтобы мы непременно до 18-го марта выехали в Сураж, несмотря на то, что мы бедняки и в такой холод, на свой счет надо было ехать. Я просила, чтобы нас выслали на казенный счет, и та гражданка по высылкам отказала, и из-за нее мы потеряли последние деньги, какие имели при себе, так как она нам дала неправильный адрес. Я удивляюсь, как может работать в ГПУ такая гражданка, не совсем грамотная (или она нарочно сказала так, чтобы мы пропали где в дороге), потому что сказала, <чтобы> брать билеты прямо в Сураж, а я послушала ее и взяла билеты так, как она сказала, но оказывается что Суража есть два, а станция одна, и вот из за нее мы потеряли лишних 60 рублей, потому что поехали в Сураж, но не тот, и надо было опять брать билеты и ехать в Витебск, как это обидно и больно, что она так нас направила ложно на такую потерю бедных женщин. Хорошо, что люди нам дали денег, а то надо было бы пропадать в дороге. Так прошу Вас, сжальтесь над нами, не откажитесь в моей просьбе, верните нас домой, так как мы считаемся инвалидами, мать моя, старуха, имеющая 66 лет, болезненная и глухая, а я тоже слабого здоровья и глуховата, то как же нам работать — инвалидам. Я не могу понять, в чем нас обвиняют, почему нам нельзя жить на родине, право, можно с ума сойти, может быть, за то, что отец мой когда-то служил у помещика, но тоже не может быть, тогда многие служили и теперь живут дома спокойно. Или, может быть, за родственников тоже; как мы можем отвечать за них, ежели они плохо поступали, ведь мы не можем за них ручаться, хотя, живши в одной

деревне, но не в одном доме, то мы не можем знать, кто что делает плохо, и хотя же мы не при чем, но, верно, нас зачислили, так как родственники. Неужели нет оправдания, и еще прошу Вас, разберите наше дело и спасайте нас, ибо клянусь своею честью, то, как я прожила столько лет, то жила честно, а не уратно и всегда подчинялись во всем, и поэтому не могу я пережить несправедливости. Чувствую не виноватой ни в чем и поэтому не могу с этим согласиться, за что и почто такое страдание. Моя семья тоже ни в чем не виновата, но что за несчастье свалилось на нас, за что нам такое наказание, я не могу понять, и не знаю, куда нам обратиться, больным инвалидам, за советом, и что делать. Неужели нам придется невинным погибнуть, ведь же многих возвращают обратно домой, а за нами вся деревня, сельсовет и коллектив. И прошу Вас, если надо посылать какие бумаги, то прошу Вас, напишите мне, потому что я не знаю, куда обратиться, и поэтому придется погибнуть. Я извиняюсь, что надоедаю Вам своим письмом, и что не так пишу, как надо, неумело, но как могу, то пишу, просто, но откровенно. И прошу извинения, мне советовали писать к Вам, и поэтому я осмелилась писать к Вам, за что извиняюсь, если не так написала, как надо. Мне в Мозырском ГПУ сказали, что, имея бумаги хорошие, нас возвратят домой, и я им представила бумаги, но они сказали, что не имеют права нас оставить, и мы должны ехать, и что нас только местное ГПУ может вернуть. Я эти бумаги передала в Суражское ГПУ, но все-таки я решила просить Вашего совета и прошу Вас, сжальтесь над нами, бедными женщинами, верните нас домой работать в наш коллектив, так как мы болезненные, то не можем заработать на прожитие. А так как дома работает мой младший брат в коллективе, то при нем и мы могли бы прожить, а присылать нам что он не в состоянии. Позвольте нам умереть на родине, мы никакого вреда не делали, но за что, я не могу понять, и этим я ужасно разбиваюсь. Если бы я была здорова, как другие, то мне не страшна работа, я все могу делать, но тем несчастна, что болезненная и глуховата, поэтому мне тяжело работать. И еще раз прошу помилования, разберите наше дело и спасите нас, если возможно, и возвратите нас домой жить, не дайте нам на чужбине погибнуть. И еще раз извиняюсь, если не так пишу, как надо, и жду от Вас ответа просительница Ольга Станкевич.

Адрес: Витебский округ, город Сураж, Мельничная улица, дом № 15, Рохлий Гепфон.

1931-й год дня 2-го апреля¹.

В ноябре 1931 — Ольга Ивановна Станкевич вновь обратилась за помощью к Е. П. Пешковой.

<10 ноября 1931>

«Е.П. Пешковой. 1931-й год дня 10-го ноября

от гражданки Станкевич Ольги Ивановны,
проживающей с матерью в Сураже
Витебского округа, 1-я Советская ул.,
дом И. Кублицкого, как административно
высланные на 3 года

Заявление

5 месяцев тому назад Вы мне сообщили, что мои заявления о досрочном освобождении переслали в Минск для проверки, и что ответа можно ожидать месяца через 2, но до сих пор нет никакого ответа, а также

¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 687. С. 120-122. Автограф.

я писала два раза к Вам и тоже не удостоилась получить ответ. Поэтому, чтобы не быть так долго забытой, еще раз напоминаю о себе и возобновляю свое ходатайство, а поэтому прошу Вашей помощи и сообщить, почему нет ответа из Минска. Так как мне здешнее ГПУ сказали, что не могут без Минска нас пустить домой, я писала в Минское ОГПУ, но нет ответа, и я не могу понять почему?? Неужели нет никакого ходатайства о освобождении, а почему советуют писать заявления и напрасно. Ведь многих пускают домой, даже тех, которые на 5 лет высланы, а мы на 3 года и на вольную и до того, как Вам известно, считаемся инвалидами, должны пропадать здесь голодом и холодом, и нас забыли. Поэтому убедительно прошу Вас и умоляю, сжальтесь над нами, бедными без способными женщинами, ибо я болезненная, не могу работать, а мать — старуха болезненная, и до того имеем слух плохой, поэтому мы не можем работать, а средств к жизни нет никаких. Прошу Вас сообщить мне, почему нет ответа из Минска. Посылаю на ответ марку. Просительница О. Станкевич»².

В декабре — юридический отдел Помполита сообщил Ольге Ивановне Станкевич:

<9 декабря 1931>

«О. И. СТАНКЕВИЧ

В ответ на В<аше> обращение сообщаю, что мы запросили снова о результатах В<ашего> ходатайства о разрешении возвратиться в Мозырь»³.

² ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 687. С. 128. Автограф.

³ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 687. С. 126. Машинопись.